

НИВА

МАСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVII г.

№ 4

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 28-го января 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого № — 15 к., съ перес. 20 к.

г. XXXVII

1906

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій К. М. Станюковича“ книга 1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г.

Остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВУ въ конторѣ
П. Н. Печковской,
Петровскія линіи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССУ въ кв. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Рашевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи . . .

8 р.

За
гра-
ницу. **12 р.**

Урокъ.

Повѣсть

Бор. Лазаревского.

(Продолженіе).

IX.

Послѣ отъѣзда Орѣхова жизнь пошла попрежнему. Только Лена чаще вспоминала о Знаменскомъ.

— На первый день праздника вечеромъ будемъ въ школь, — говорила она нараспѣвъ: — тамъ всегда устраивается на напинъ счетъ елка. Придетъ батюшка, придетъ учитель, Любовь Петровна и еще одна учительница, придетъ земскій начальникъ Квасоваровъ, прилетитъ на своихъ арабахъ Брусенцовъ, онъ тоже привезетъ подарки и сладости. Мальчики и дѣвочки споютъ молитву, а затѣмъ мы раздаемъ подарки, чтобы досталось каждому, каждому... Въ они ужасть, какъ насъ любятъ. Потомъ на двухъ тройкахъ домой. Впереди папа, Дина и Брусенцовъ, а за ними я, мама и Любовь Петровна. На нашей тройкѣ бубенчики гремятъ силнѣе. А когда Кузьма ударитъ кнутомъ, пристыжная Зорька всегда подбрасываетъ задомъ, — сибѣ въ самое лицо такъ и засыпаетъ... Въ шубѣ тепло, только отъ мороза въ носу крутить...

— Скорѣе бы!.. — сказала, чуть потягиваясь, Дина.

„Счастливыя, счастливыя, — думалъ Константинъ Ивановичъ: — и другимъ приносятъ счастье, и народъ ихъ любить“.

Были два раза въ театрѣ — въ драмѣ и въ оперѣ. И все, что Кон-

Царевна-лягушка. Картина Ж. Баука, гравюра Фальшера.

стантилъ Ивановичъ видѣлъ и слышалъ въ этотъ разъ на сценѣ, произвело на него болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ когда онъ бывалъ одинъ. Любовь Петровна попрежнему хохотала и ни разу не пожаловалась на свою жизнь.

Теперь Константинъ Ивановичъ мысленно раздѣлялъ семью Орѣховыхъ и близкихъ имъ людей на двѣ части: Дина, Ольга Павловна, Лена и Любовь Петровна были симпатичныя, а Степанъ Васильевичъ, Брусенцовъ и управляющій, которыхъ онъ еще не видѣлъ, казались несимпатичными. Ему часто приходило въ голову, что такъ бываетъ почти въ каждой семьѣ, и это не бѣда. Онъ съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ поѣдетъ потомъ въ Знаменское въ качествѣ ли, учителя или просто въ гости и будетъ тамъ наблюдать народъ и учить Дину и Лену относиться хорошо къ мужикамъ. Съ Кальнишевскимъ почему-то было непріятно встрѣчаться и его остроты казались плоскими.

Однажды, уже въ началѣ декабря, Константинъ Ивановичъ сидѣлъ рядомъ Диной и, нагнувшись надъ столомъ, исправлялъ ее диктовку. Она внимательно слѣдила за синимъ карандашомъ. Подчеркнувъ слово „прежде“, написанное черезъ два „ѣ“, онъ поднялъ голову и серьезнымъ тономъ сталъ говорить о томъ, что никакъ не ожидалъ подобной ошибки.

Взглянувъ на все еще нагнувшуюся Дину, онъ замѣтилъ, что ее кофточка спереди немного разошлась, видно было тонкое кружево сорочки, а за нимъ почти вся одна очерченная, какъ у Фрины на картинѣ Семирадскаго, вполне сформировавшаяся грудь, которая спокойно то подымалась, то опускалась.

Стало сухо во рту и буквы запрыгали на бумагѣ. Сдѣлавъ огромное, ужасное усилие, Константинъ Ивановичъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Дина, думая, что онъ все еще сердится, молчала и не поднимала головы. Снова пришлось сѣсть рядомъ и глядѣть на удивительное и будто совсѣмъ не такое, какъ случалось видѣть у другихъ женщинъ, тѣло. Наконецъ, онъ решился сказать Динѣ, чтобы она поправила платье, но смутился и сказалъ что-то по поводу диктовки. Дина, точно инстинктомъ почуввавъ неладное, замахнулась платкомъ и одной рукой, подъ нимъ, застегнула пуговку. Диктовка была исправлена. Константинъ Ивановичъ отпустилъ Дину и позвалъ Лену, чтобы объяснить ей десятичные дроби. Онъ говорилъ уже ровно, а сердце все еще стучало глухо и сильно.

Лена по обыкновенію задавала посторонніе вопросы. Константинъ Ивановичъ отвѣчалъ на нихъ со злостью и невпопадъ, а ей казалось, что онъ шутитъ, и было стыдно.

Противъ обыкновенія онъ не остался даже пить чай, и, сказавъ Ольгѣ Павловнѣ, что болитъ голова, — убрался. На воздухѣ стало легче, но все еще было стыдно передъ кѣмъ-то незнакомымъ, а главное — страшно, страшно... Казалось, будто онъ сегодня укралъ изъ квартиры Орѣховыхъ какую-то цѣнную, фамиліную вещь. Ужаснѣе же всего было, что въ эту ночь прислилась Дина, подлунная, и будто онъ цѣлуетъ ее тѣло, и прогнувшись, онъ хорошо помнитъ какъ шепталъ во снѣ:

— Диночка, золотая, никто не узнаетъ!.. милая, прости, я обезумѣлъ, да, да, я совсѣмъ сумасшедшій...

Заснуть снова Константинъ Ивановичъ уже не могъ. Онъ лежалъ и думалъ:

„Если человѣкъ чего-нибудь не желаетъ, то у него не можетъ быть объ этомъ и представленія. Значитъ, я скотина. Именно скотина, потому что въ данномъ случаѣ даже и любви нѣтъ. Вѣдь, что она для меня — симпатичная дѣвушка, моя ученица и до физическаго ея существа мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Но это пройдетъ, непременно пройдетъ...“

Онъ всталъ и подошелъ къ окну. Разсвѣтъ уже начался. Ночью выпалъ снѣгъ. Крыши и карнизы между этажами казались голубыми. Внизу на улицѣ медленно проѣхали извозчикъ; онъ спалъ, уткнувшись въ передокъ саней.

Черезъ недѣлю Константинъ Ивановичъ совсѣмъ успокоился. Онъ только косился на Дину и старался какъ можно меньше оставаться возлѣ нея, когда не было урока. Радовало очень сознание, что онъ не влюбленъ и что Дина и всѣ Орѣховы для него только очень симпатичныя, но совсѣмъ чужіе люди и въ его чувствахъ къ нимъ разсудокъ не ушелъ.

Четырнадцатаго декабря Константинъ Ивановичъ проводилъ Дину, Леночку, Ольгу Павловну и Любовь Петровну на вокзалъ. Послѣ отхода поѣзда онъ сейчасъ же вернулся домой, рухнулъ ничкомъ на постель и въ первый разъ въ жизни горько заплакалъ...

Праздники проходили грустно. Кромѣ тоски набѣгалъ иногда еще и ужасъ. Кто-то незнакомый говорилъ въ самыя уши:

„До ихъ отъѣзда ты думалъ, будто любишь всю эту семью, будто любишь свое дѣло учителя, будто любишь въ Динѣ естественную, неизломанную натуру... Но ты, на самомъ дѣлѣ, такъ не думалъ, а только хотѣлъ думать. Ты самъ себѣ лгалъ. Теперь эта искусная ложь кончена. Совсѣмъ кончена. Теперь тебѣ нигде не уйти отъ признанія, что въ Динѣ ты любишь больше всего уже сформировавшуюся женщину. Что ты уже мысленно ласкаешь ея милое всему твоему существу тѣло. Что въ сѣромъ платкѣ на плечахъ она нравится тебѣ больше потому, что тогда бываетъ безъ корсета. И Ольга Павловна тебѣ нравится не потому, что она добра, а потому, что она ея мать. Исхъ желтолицей кликушей Любовью Петровной ты потому только и можешь разговаривать, что она часто бываетъ *возлѣ нея*. Какъ ты ни вертись, какъ ни прячься, какъ ни развлекайся, но я тебя найду вездѣ и проникну въ тебя, какъ проникаетъ лучъ солнца сквозь крохотную щелочку темнаго амбара и рисуетъ на его стѣнахъ всю внѣшнюю дѣйствительность, какая бы она ни была...“

Но онъ еще не вѣрилъ этому голосу.

Орѣховы должны были возвратиться двѣнадцатаго января утромъ. Константинъ Ивановичъ поѣхалъ на вокзалъ. Санная дорога была разбита и маленькій извозчикій козырекъ сильно подпрыгивалъ. Морозило. Настроение было бодрое, свѣжее.

„Вотъ ѣду встрѣчать ихъ и нисколько не волнуюсь, — значить, все вздоръ“, — думалъ онъ.

Поѣздъ опоздалъ на часъ. За это время Константинъ Ивановичъ выпилъ въ буфетѣ рюмку водки и вкусно позавтракалъ. На душѣ стало еще покойнѣе и веселѣе.

Вдругъ все зданіе вокзала задрожало и мимо зеркальных оконъ пронесся, задыхаясь, черный силуэтъ паровоза, а за нимъ все медленнѣе и медленнѣе шли сіе и коричневые вагоны.

Ударилъ звонокъ. Послышалась трель кондуктора. Огромная дверь на платформу распахнулась. Константинъ Ивановичъ выбѣжалъ и сталъ смотрѣть направо и налѣво. Орѣховыхъ не было. Онъ прошелъ еще разъ вдоль обмерзшаго поѣзда и подумалъ:

„Значитъ, пріѣдутъ завтра. А я все-таки не очень волнуюсь“.

Домой онъ возвращался въ трамваѣ. Поминутныя остановки, кондукторъ въ огромныхъ распахнутыхъ, по-старинному застегивавшихся на поясъ, и равнодушныя лица пассажировъ — все злило.

Вечеромъ пришлось идти съ отцомъ къ Аристарховымъ. Тамъ говорили о томъ, что Таня беременна, а Жоржику назначили новаго начальника, мало понимающаго дѣло, и теперь ему трудно. За ужиномъ, какъ и всегда, было скучно. Не хотѣлось дотрагиваться ни до осетрины подъ майонезомъ, ни до гуся съ капустой. Потомъ подали пастилу на стеклянномъ блюдецѣ и на тарелкѣ нѣсколько яблокъ, а сверху лежалъ анелисинъ.

Орѣховы не пріѣхали и на слѣдующій день. Константинъ Ивановичъ уже волновался и не спорилъ съ надоедливымъ голосомъ. Хотѣлось пойти и погово- рить обо

всемъ съ близкимъ и хорошимъ человѣкомъ. Кальнишевскій былъ все еще, почему-то, противенъ.

Наконецъ, пришло въ голову сходить къ Винтеру, но его онъ встрѣтилъ только-что вышедшимъ изъ квартиры. Нѣмецъ куда-то сѣлится и сказалъ только, что Орѣховы изъ деревни всегда опаздываютъ. Прошло еще четыре дня, Константинъ Ивановичъ каждое утро бывалъ на вокзалѣ и возвращался съ грустнымъ лицомъ. Дина снилась почти каждую ночь. Затѣмъ онъ уже не бѣдитъ встрѣчать Орѣховыхъ, а лежалъ и мечталъ о Динѣ. Не хотѣлось даже въ театръ.

X.

Двадцатаго числа вечеромъ пришла горничная Орѣховыхъ Анюта и принесла записку въ голубомъ конвертикѣ. Константинъ Ивановичъ сразу узналъ почеркъ Дины и покраснѣлъ.

На листочкѣ было слѣдующее:

„Многоуважающій (такъ и было написано) Константинъ Ива... Мы сегодня уже пріѣхали. Мама проситъ придти. Приходи... Дина“.

Константинъ Ивановичъ далъ Анютѣ рубль и сталъ быстро одѣваться. Черезъ десять минутъ онъ уже ѣхалъ на извозничьихъ санкахъ, въ рукѣ все еще было письмо Дины. Онъ хорошо зналъ, что Дина часто не дописываетъ конца словъ, и, тѣмъ не менѣе, слово „приходи“ его очень смутило.

„А вдругъ это умышленно? Вдругъ это взаимное чувство? Вѣдь она уже способна любить... Въ февралѣ ей шестнадцать... А можетъ-быть, это маленькое кокетство? Вызовъ?.. Какъ это странно!.. Знаю навѣрное, что ошибаюсь, и все-таки вздоръ этотъ лѣзетъ въ голову. Ужасно нелѣпо, ужасно...“—думалъ онъ.

Вотъ и подъѣздъ. Сердце затараторило что-то сладкое. Всѣ встрѣтили его въ передней и видимо обрадовались. Дина улыбалась ласково. Ольга Павловна пожала руку крѣпче обыкновеннаго. Любовь Петровна кашляла. Леночка сейчасъ же начала рассказывать о Знаменскомъ. Всѣ заговорили сразу, и поэтому трудно было отвѣчать. Голосъ Дины звучалъ, какъ музыка. Она еще поздоровѣла и казалась выше.

— А вы даже выросли,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Нѣтъ, это у меня ботинки на французскихъ каблучкахъ,—отвѣтила Дина и опять ласково улыбнулась. Константинъ Ивановичъ окончательно пришелъ въ себя только въ столовой.

— Знаете, знаете,—говорила Леночка:—я изобрѣла новый способъ кататься на конькахъ. У насъ есть сабаки Милордъ и Трезвый, я беру ихъ на смычки, какъ гончихъ,—кольцо отъ ремней въ руки, и гайда по пруду. Впереди Томка, они стараются его догнать и бѣгутъ быстро, быстро, какъ поѣздъ. А сзади Брусенцовъ и Дина, руки на-крестъ и тоже хотятъ меня догнать, но всегда остаются далеко, далеко.

Послѣдняя фраза встревожила Константина Ивановича.

„А вдругъ они нарочно остаются позади, и онъ въ это время говоритъ ей о своей любви? Вѣдь ее нельзя не любить“.

— Да,—продолжала Лена:—кажется вамъ Федька, онъ уже выучилъ святыхъ до августа мѣсяца. И кажется вамъ замѣчательная теть Лиза.

Елизавета Васильевна дѣйствительно замѣчательная женщина и говорить о ней такимъ тономъ нельзя,—сказала Любовь Петровна.

— Она носитъ вериги и ничего не ѣстъ,—задумчиво произнесла Дина.—Теть Лиза никогда не была въ театрѣ и говорить, что бывать тамъ грѣхъ, и выходить замужъ тоже грѣхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я родилась, она ни разу не ѣздила изъ Знаменскаго, значитъ уже шестнадцать лѣтъ.

— Къ ней монашенки ѣздить и привозятъ просфоры, вкусныя такія,—прозвенѣлъ опять голосъ Лены.

Весело шумѣлъ самоваръ. Особенно аппетитно смотрѣли разставленные на столѣ: творогъ, масло, густая сметана, холодный поросенокъ и привезенный изъ Зна-

менскаго домашній черный хлѣбъ. И во всей комнатѣ пахло еще чѣмъ-то особенно пріятнымъ, давно знакомымъ. Константинъ Ивановичъ наконецъ сообразилъ, что это запахъ отъ папироски Ольги Павловны, котораго онъ не слыхалъ уже цѣлый мѣсяцъ. На душѣ было хорошо до слезъ. Въ этотъ день урока не было и о занятіяхъ не говорили. Лена снова начала рассказывать о деревнѣ.

— Да что ты все болтаешь,—сказала ей Ольга Павловна:—вѣдь все равно ничего изъ тамошнихъ жителей Константинъ Ивановичъ не знаетъ. Пріѣдетъ лѣтомъ, поживетъ и самъ все увидитъ.

— Пріѣдетъ лѣтомъ, поживетъ и самъ все увидитъ,—радостно повторилось въ его ушахъ. И онъ думалъ:

„Значитъ, то, что я лѣтомъ буду въ Знаменскомъ—вопросъ рѣшенный. Значитъ, теперь надолго, а можетъ-быть и на всю жизнь я для нихъ свой человѣкъ...“

Вошла Анюта и убрала самоваръ; локтемъ она нечаянно задѣла по плечу Константина Ивановича и онъ этого не замѣтилъ.

Мысли текли все такъ же сладко: „Умышленно изнеумышленно она написала „приходи“, а не „приходите“?.. Такъ ли она ласково относится ко мнѣ, какъ смотритъ на глаза? А можетъ, на Брусенцова она смотритъ еще ласковѣе“... Отъ этой мысли стало вдругъ жарко.

Когда на другой день Константинъ Ивановичъ снова шелъ на урокъ, то думалъ, что вторая половина года пройдетъ еще симпатичнѣе, потому что теперь Дина для него не просто ученица, а существо, ради счастья видѣть которое каждый день только и стоитъ жить на свѣтѣ. Нужно непременно держать себя такъ, чтобы никто рѣшительно никто не могъ догадаться, какъ она ему дорога.

Занятія пошли какъ будто хуже, но это легко объяснялось,—послѣ деревенской жизни и Динѣ, и Леночкѣ трудно было заставить себя учиться регулярно.

Какъ-то въ классную вошла Ольга Павловна, и Лена въ ея присутствіи, сказала:

— Какой вы право, Константинъ Ивановичъ! Динѣ, не бойсь, рассказываете исторію цѣлый часъ, а мнѣ—сказали нѣсколько словъ о Троянской войнѣ да и кончено.

Онъ сильно покраснѣлъ, но сейчасъ же пашелся и отвѣтилъ:

— Вы скорѣе запоминаете все, что вамъ говоришь...

— Очень пріятно,—отчеканила Лена.

— Леночка, такъ нельзя отвѣчать. Константинъ Ивановичъ лучше знаетъ, которой изъ васъ, какъ и что нужно объяснять,—сказала Ольга Павловна.

Лицо ея было серьезно и даже строго, какъ и тонъ голоса.

Но Константину Ивановичу послышалась насмѣшка по его адресу. Онъ покраснѣлъ еще сильнѣе и въ этотъ вечеръ ушелъ домой раньше обыкновеннаго.

Съ каждымъ днемъ онъ велъ себя иначе. Въ столовой онъ старался не садиться рядомъ съ Диной, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ, какъ пріятна ему ея близость. Въ присутствіи Ольги Павловны онъ иногда не совѣмъ справедливо выговаривалъ Динѣ за ея разсѣянность, и опять только для того, чтобы нельзя было подумать, что она ему дороже всего на свѣтѣ. Дина слушала эти замѣчанія совѣмъ равнодушно. А Константинъ Ивановичъ думалъ: „бѣдная, милая, прости, но ты же дѣлала,—это необходимо“. Отъ всѣхъ этихъ уловокъ въ итогѣ получалась усталость.

Время бѣжало теперь быстро. Константину Ивановичу казалось иногда, что всего нѣсколько дней назадъ онъ ходилъ на вокзалъ встрѣчать Орѣховыхъ, между тѣмъ, на слѣдующей недѣлѣ уже начиналась масляная. Часто на душѣ бывало нехорошо отъ сознанія, что за пять мѣсяцевъ по курсу почти не пройдено и половины. На дворѣ стояла слякоть и поскребыванье лопатокъ дворниковъ напоминало, что уже скоро весна, а тамъ и Знаменское,—за лѣто можно будетъ и перестать пропущенное зимою. Въ понедѣльникъ Ольга Павловна взяла ложи въ оперу и пригласила и Константина Ивановича.

Бой. Акварель академика Н. Самокиша, авт. «Шивы».

Выступление генерала Родзянко. Акварель академика Н. Самокиша. гл.т. «Нива»

Шелъ „Евгеній Онѣгинъ“. И баритонъ, и теноръ были выдающіеся пѣвцы. Особенно сильное впечатлѣніе произвела арія Ленскаго передъ дуэлью. Началъ оркестръ и вдругъ стихъ. Виолончель простонала что-то грустное, ей такъ же печально и коротко отвѣтили валторны, точно сказали: „да, это такъ“. Потомъ заплѣли сразу всѣ скрипки. Видно было изъ-за барьера, какъ поднимались и опускались ихъ смычки.

Весь театръ притихъ, когда вступилъ полный тоски человеческій голосъ.

Куда, куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни...

У Дины глаза были влажны. Золотой медальонъ на ея розовой кофточкѣ то подымался, то опускался.

„Какъ она сильно чувствуетъ, какъ она сильно чувствуетъ,—думалъ Константинъ Ивановичъ:—вотъ Ленѣ все равно,—только брови нахмурила, и видно, что ни на секунду не забыла, что все это происходитъ не въ жизни, а на сценѣ“.

Изъ театра ѣхали въ большихъ четырехмѣстныхъ саняхъ. Константинъ Ивановичъ и Леночка сидѣли на передней скамейкѣ. Иногда сани очень потряхивало, и его колѣни чуть прикасались къ колѣнямъ сидѣвшей противъ Дины. Не полная луна ярко освѣщала милое, спокойное лицо. Изрѣдка ея закругленныя рѣсницы вздрагивали. Морозило. Отъ ридикюля Ольги Павловны чуть пахло кожей и духами.

Мало-по-малу страхъ, что могутъ замѣтить его любовь къ Динѣ, расплылся. Иногда даже хотѣлось, чтобы Ольга Павловна сама подумала о возможности этой любви. Случая съ кофточкой больше не повторялось и ничто не волновало. На душѣ было чисто. Какъ-то послѣ урока Константиномъ Ивановичемъ овладѣло особенно хорошее расположеніе духа и ему захотѣлось разсказать Динѣ и Леночкѣ, что онъ думаетъ о ихъ жизни.

Онъ говорилъ о томъ, что на нихъ, какъ на дѣвушекъ богатыхъ и образованныхъ, лежитъ нравственная обязанность думать о счастьѣ крестьянъ,—не богатыхъ и не образованныхъ. Онъ говорилъ, что въ первый разъ видитъ семью, гдѣ барышни такъ искренно любятъ и народъ, и природу, и всей душой стремятся поскорѣе изъ города. Онъ говорилъ, что когда онѣ войдутъ въ настоящую жизнь, то уже будетъ новое, хорошее время, и всѣ классы общества будутъ любить своего ближняго, какъ это сказано въ евангеліи.

Любовь Петровна съ восторгомъ глядѣла на него и послѣ каждой фразы кивала головой. Леночка тоже была серьезна, потомъ вздохнула и сказала:

— Да, у насъ хорошо. Когда пріѣдете, тогда сами увидите и мужиковъ, и поля, и липовую аллею, и Федьку, и Томку,—все увидите...

Дина машинально рисовала на промокательной бумагѣ лошадиную голову.

Хорошее бодрое настроеніе не оставило Константина Ивановича и тогда, когда онъ вернулся домой.

„Навѣрное, и она чувствуетъ, какъ дорога мнѣ. Она должна быть моей женой! Я никому не дамъ ее и никому не позволю ее развратить. Я научу ее, какъ нужно жить... Это мое первое чувство, и потому самое серьезное. Никогда и никого я не полюблю больше, чѣмъ ее. Каждый человѣкъ кузнецъ своего счастья... Если идти къ цѣли искренно, честно и смѣло, то идеалъ жизни осуществится легко. Потребуютъ только силы“.—сказалъ навѣсь въ его головѣ.

XI.

Въ это время Дина и Леночка тоже раздѣвались и шли спать.

Константи́нъ былъ умнѣе и лучше объяснялъ,—сказала Лена, нагнувшись и однимъ движениемъ на ботинкѣ цуговницы, такъ что одна торчалась и покатила по полу.

Она не отвѣтила и только тряхнула головой

впередъ, чтобы волосы разсыпались, потомъ чуть повернула все личико на бокъ и стала расчесывать ихъ гребешкомъ.

— Этотъ Константинъ Ивановичъ какъ будто немного странный,—продолжала Лена:—говорить о томъ, какъ хорошо, что мы любимъ природу, а самъ не видать ни нашего сада, ни лошадей, ни мужиковъ...

— Ты ничего не понимаешь,—сказала Дина и опять тряхнула головой.—Онъ хорошо объясняетъ словесность и исторію,—долго говорить, и тогда можно сидѣть не двигаясь, и думать о Знаменскомъ, о чемъ хочешь... А Кальнишевскій два-три слова сказалъ и сейчасъ же начинаетъ спрашивать, будто дергаетъ. И злится онъ...

— Все-таки Смирновъ очень странный.

— По-твоему странный, а вотъ и мама говоритъ, что онъ гораздо симпатичнѣе Зиновія.

— А я сама слышала, какъ папа говорилъ, что лучшаго учителя, чѣмъ Зиновій Григорьевичъ, и желать нельзя.

— Мало ли что...

— Папа знаетъ, что говорить.

— Онъ знаетъ, а ты глупышка.

Лена обидѣлась. Раздѣвшись окончательно, она юркнула подъ одѣяло, потомъ вскочила, торопливо перекрестила подушку и снова укрылась.

Дина легла еще не скоро и долго шопотомъ молилась Богу.

Вошла Любовь Петровна въ бѣлой кофточкѣ и юбкѣ, худая, худая. Она поставила на умывальникъ кружечку съ зубной щеткой, затѣмъ подошла и поцѣловала Лену. Дина лѣниво подставила ей свою щеку, обождала, пока дверь снова затворится, а потомъ подошла и повернула кнопку электрической лампочки. Сквозь верхнюю часть ставни сейчасъ же пробился широкій зеленоватый лунный лучъ и заигралъ на противоположной стѣнѣ.

— Лена.

— Что?

— Я не буду зажигать ночника, и такъ свѣтло.

— Какъ хочешь... Не мѣшай, я уже сплю.

Лена перевернулась на другой бокъ и глубоко вздохнула. Въ комнатѣ было очень тепло. Пахло бѣльемъ и зубнымъ эликсиромъ. Дина грузно легла на постель и укрылась до подбородка плюшевымъ одѣяломъ. Она любила ночь и полное одиночество, когда кругомъ было совсѣмъ тихо.

Теперь мысли ея сразу перелетѣли въ Знаменское и къ Брусенцову...

Когда Брусенцовъ былъ гимназистомъ восьмого класса, Динѣ было десять лѣтъ. Здороваясь съ нею, онъ важно расшаркивался и, улыбаясь, говорилъ: „а вотъ и моя невеста пришла“. И это ей было смѣшно, а Брусенцовъ казался совсѣмъ взрослымъ, онъ уже курилъ и у него пробивались усы. Въ слѣдующемъ году, лѣтомъ, умеръ отъ удара его отецъ, старшій генералъ, и оттого, что Брусенцовъ сталъ самостоятельнымъ хозяиномъ и уже носилъ коротенькій студенческій китель, онъ точно сдѣлался еще старше.

Проводить время съ двоюроднымъ братомъ, кадетомъ Юшей, было гораздо интереснѣе. Юша умѣлъ дѣлать смѣшныя рожи и могъ такъ лаять по-собачьи, что вводилъ въ заблужденіе настоящихъ собакъ.

Когда Динѣ окончилось четырнадцать лѣтъ, Степанъ Васильевичъ позволилъ ей учиться ѣздить верхомъ. Въ этихъ урокахъ принимали большое участіе и Брусенцовъ и Юша. Она ѣздила то съ тѣмъ, то съ другимъ. Въ провозатые давали еще конюха Климъ. Климъ всегда трясся сзади, болталъ руками и ногами, точно развинченный, и на лицѣ у него была скука.

Во время этихъ поѣздокъ Юша вдругъ сталъ объясняться Динѣ въ любви. Онъ говорилъ, что во всемъ Петербургѣ не видать такой хорошенькой барышни, и что, какъ только станетъ офицеромъ, то непременно женится на ней. Одинъ разъ онъ показалъ ей у себя на рукѣ букву Д, которую выжигъ раскаленнымъ перомъ.

Очень смѣшнымъ казалось, что когда Юша клялся принадлежать только ей, то ѣхавшій въ двухъ шагахъ Клинтъ, видимо, ровно ничего не понималъ и лицо у него оставалось такимъ же равнодушнымъ, какъ всегда.

На другое лѣто Юши уже не было. Онъ писалъ только страстные письма изъ Царскосельскаго лагеря. Приѣхалъ Кальнишевскій, который заставлялъ слишкомъ много заниматься. Онъ былъ хмурый, неразговорчивый и боялся лошадей.

Теперь ѣздить верхомъ можно было только съ Брусенцовымъ, который въ любви не объяснялся, но часто глядя въ глаза такъ особенно, что сердце само начинало биться. Когда они въѣзжали на лѣсную дорогу, Брусенцовъ часто спрашивалъ:

— Ну, Дина, поскочимъ?

— Идешь.

Случалось, что Брусенцовъ ѣхалъ съ лѣвой стороны и на полномъ карьерѣ лошади прижимала его къ ногамъ Дины. Пять минутъ такой скачки страшно волновали.

Въ концѣ августа снова приѣхалъ Юша, но только на двѣ недѣли, и по-прошлогоднему началъ говорить о своей любви; иногда это ласкало уши, а иногда было очень скучно. После отъѣзда Юши, какъ-то вечеромъ возвращались съ пикника. Дина сидѣла вмѣстѣ съ Брусенцовымъ въ его пролеткѣ. Было темно и сыро. На фиолетовыхъ, уже занявшихъ полнеба облакахъ выступили силуэты избъ и церкви Знаменскаго.

Никто не правилъ, лошади шла сама за переднимъ экипажемъ, въ которомъ ѣхали Ольга Павловна и Леночка. Брусенцовъ, молча, всей своей широкой ладонью обнявъ за талию Дину и, не отнимая руки, тихо спросилъ:

— Вамъ хорошо со мною?

— Мгм...

Такъ ѣхали они еще минутъ десять. Почему хорошо?— Дина не успѣла себя объяснить. Она только знала, что никогда и никому объ этомъ „хорошо“ не скажетъ. Теперь подъ теплымъ одѣяломъ все вспомнилось особенно точно.

Дина думала:

„Въ это лѣто начнеть ѣздить верхомъ и Лена,—мѣшать будетъ. Впрочемъ, пусть себя ѣздитъ съ Константиномъ Ивановичемъ или съ Климомъ... Да все равно, мы уедемъ впередъ. Приѣдетъ ли Юша? Ему еще цѣлый годъ нужно быть юнкеромъ. Когда онъ говоритъ о своихъ чувствахъ, то приятно, точно лимонадъ пьешь. А когда Брусенцовъ скажетъ одно слово, то даже голова кружится,—будто послѣ замороженнаго шампанскаго.“

О замужествѣ она не мечтала и думалось ей, что замужемъ скучно и дѣти будутъ мѣшать оставаться одной.

Самымъ приятнымъ ей казалось наслаждаться жизнью такъ, чтобы ни одна душа не смѣла ее заподозрить въ этомъ наслажденіи.—Самымъ же неприятнымъ она считала искать чьей-нибудь любви и кокетничать или выслушивать объясненія въ чувствахъ человека, который не нравится. Думалось ей также, что если бы ей въ любви вдругъ объяснились Клинтъ или Кальнишевскій, то это было бы до слезъ смѣшно. Ей было такъ же смѣшно, когда мать называла ее дѣточкой, и въ то же время остро приятно—не показывать и виду, что она уже давно не чувствуетъ себя дѣточкой.

Дина съ нетерпѣніемъ ждала Пасхи и лѣта. Теперь, въ посту, чувствовалось особенно тоскливо и единственнымъ развлеченіемъ была постная пища. Иногда она съѣдала по цѣлой коробкѣ маринованой осетрины и любила вымазывать бѣлымъ хлѣбомъ острый, немного пахнущій жостью, сокъ.

Пасха въ этомъ году была ранняя, и Ольга Павловна рѣшила встрѣтить праздникъ въ городѣ, побывать нѣсколько разъ въ театрѣ, а на Фоминой, когда дороги въ Знаменскомъ немного подсохнутъ, двинуться туда на

цѣлое лѣто. Въ срединѣ марта приѣзжалъ на два дня Степанъ Васильевичъ и утвердилъ этотъ проектъ. Было также окончательно рѣшено, что Константинъ Ивановичъ сейчасъ же послѣ своихъ экзаменовъ тоже приѣдетъ въ Знаменское.

Ночь подъ Свѣтлое Воскресенье выдалась темная, безвѣдная. Накрапывалъ иногда дождикъ. Движеніе на улицахъ все усиливалось. Колокола еще молчали, и только слышно было, какъ они торопливо перезванивали на другомъ концѣ города въ костелѣ. Соборная колокольная, вся иллюминированная электричествомъ, свѣтлымъ пятномъ выступала на фонѣ неба.

У заутрени Орѣховы и Константинъ Ивановичъ были въ университетской церкви. Онъ еще никогда не видалъ Дину одѣтой такъ нарядно. Въ бѣломъ длинномъ платьѣ, она была похожа на невѣсту. Константинъ Ивановичъ любовался ея фигурой, спокойнымъ выраженіемъ глазъ, густыми будто подвитыми кверху рѣсницами и нѣжнымъ, немного матовымъ цвѣтомъ ея личика. И ему хотѣлось, чтобы служба тянулась какъ можно дольше.

Пѣвчіе вдругъ умолкли, все кругомъ загудѣло, зашепестѣло, и двинулись впередъ. Служба началась хрипелосоваться. На душѣ было радостно и тревожно. Выслушали еще коротенькое „слово“. Потомъ Ольга Павловна улыбнулась и пригласила Константина Ивановича ѣхать къ нимъ разговляться, и онъ согласился, хотя зналъ, что его, пожалуй, будетъ ждать и отецъ. Въ передней всѣ похристосовались съ Анютой, а потомъ сняли верхнія кофточки и прошли въ ярко освѣщенную столовую. Здѣсь еще разъ поздравили другъ друга съ праздникомъ и Ольга Павловна поцѣловалась съ Константиномъ Ивановичемъ, а потомъ выпило такъ, что онъ похристосовался въ губы и съ Диной и съ Леночкой. Дина поцѣловалась совсемъ спокойно, но все-таки впечатлѣніе получилось головокружительное.

Константинъ Ивановичъ возвращался домой, когда уже свѣтало. Иллюминація потухла. Куполь на соборѣ переливался розовымъ золотомъ. Тротуары были влажны. По небу разбросались маленькія облачка съ золотыми краями внизу. Воробьи уже кое-гдѣ жавкали. Наступали теплынь и свѣтъ. По улицамъ сгѣпили люди съ узелками въ рукахъ. Попался навстрѣчу одинъ пьяный.

Константинъ Ивановичъ шелъ медленно, ему хотѣлось плакать и казалось, что онъ въ первый разъ въ жизни понял, что такое счастье. Въ концѣ святой совсемъ неожиданно явился Степанъ Васильевичъ, а черезъ три дня Орѣховы на все лѣто уѣхали въ Знаменское.

Константинъ Ивановичъ вернулся съ вокзала грустнымъ. Были деньги, предстояло перейти на третій курсъ, предстояло скоро ѣхать въ настоящую деревню къ любимымъ людямъ, и все-таки на душѣ лежала тяжесть. Просмотрѣвъ программу и расписаніе экзаменовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что если ихъ выдержать, то это будетъ чудомъ. Нужно было заниматься очень энергично.

Погода вдругъ испортилась, стало холодно, какъ въ ноябрѣ, и разъ утромъ въ воздухѣ летали даже снѣжинки, а потомъ на цѣлую недѣлю зарядилъ дождь. Готовившіяся распуститься деревья побрызгались ледяной корой и печально стучали вѣткой о вѣтку. Дулъ такой вѣтеръ, что тряслись окна. Снова начали топить печи.

До перваго экзамена оставалась недѣля. Но Константинъ Ивановичу за лѣтой не сидѣлось. Онъ безъ конца ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а когда начиналъ чувствовать въ ногахъ усталость, то становился на подоконникъ, отворялъ форточку и подолгу глядѣлъ на темную улицу. Было приятно, когда вѣтеръ трепалъ волосы или вдругъ упавшая съ крыши крупная капля попадала за воротникъ и тогда хотѣлось громко пѣть подъ тактъ мѣрной дроби дождя.

Романсъ.

(На мотивъ изъ Гейне).

Скажите ей, друзья моей печали,
Вы, звѣзды ясныя съ лазурной высоты:
Какъ я страдалъ, какъ сердце мнѣ терзали
Моей любви разбитыя мечты.

Мѣшайте спать ей въ мракъ темной ночи,
Взволнуйте страстью грудь и влейте въ сердце ядъ,

Взгляните ей въ чарующія очи:
Тамъ тоже двѣ звѣзды спокойныя горятъ.

Воспоминаніемъ миноваго волнуетъ,
Въ странѣ иной, съ лазоревыхъ полей—
Скажите ей, кто жаждетъ поцѣлуя,
Напомните, кто мучится по ней.

Н. Ясевичъ.

Джеральдина Фарраръ. Картина Ф. Каульбаха, акт. «Нивы».

Стопятидесятилѣтіе дня рожденія Моцарта. Моцартъ на тридцатомъ году жизни.
Съ ластелі неивѣстнаго художника, найденной въ 1893 г. профессоромъ Тильгеромъ.

Къ 150-лѣтїю дня рожденїя Моцарта.

Черты изъ жизни великаго композитора.

В. С. Баскина. (Съ портретомъ, 2 рисунками и факсимиле нотъ).

Небольшіе, отрывистые факты, собранные восдино, иной разъ болѣе говорить, чѣмъ обширныя статьи. Сказать теперь что-либо новое о дѣятельности и значенїи Вольфганга-Амедея Моцарта, — этого величайшаго музыкальнаго гениа, — по поводу исполненїя 150 лѣтъ со дня его рожденїя (род. 27 января 1756 г.), — не представляется никакой возможности, особенно если вспомнить всю литературу написанную о немъ и объ его произведенїяхъ на всѣхъ языкахъ. Думаемъ поэтому ограничиться отдѣльными фактами, характеризующими эту гениальную личность.

Моцарту всего было три года, когда отецъ его, Леопольдъ Моцартъ (извѣстный музыкантъ, оставившій скрипичную школу), началъ давать ему, по настоянїямъ ребенка, уроки игры на клавишинѣ. До этого возраста Вольфгангъ обнаружилъ крайнюю чувствительность; если онъ въ шутку получалъ отъ родныхъ и знакомыхъ отрицательный отвѣтъ на его постоянный вопросъ: «любятъ ли его», то начиналъ плакать. Въ это время онъ уже по цѣлымъ часамъ занимался подборомъ созвучїй, и его лицо выражало восторгъ, когда ему удавалось отыскать терцію. Отецъ рѣшился сдѣлать опыты: онъ предложилъ Вольфгангу очень коротенькій менуэтъ; чрезъ полчаса онъ его сыгралъ точно и ритмично. Не прошло еще и года, какъ юный гений сталъ диктовать своему учителю пьесы своего сочиненїя (мелодїи), не умѣя еще написать ни одной ноты. Чрезъ два года онъ могъ соперничать съ хорошими виртуозами.

Однажды (Моцарту былъ седьмой годъ) отецъ вошелъ къ нему въ комнату со своимъ прїятелемъ. — «Что ты тамъ дѣлаешь?» — «Пишу концертъ для клавишинъ; первая часть скоро будетъ готова». — «Посмотрите, — сказалъ прїятели, — какъ всѣ правила сочиненїя точно соблюдены; только врядъ ли это исполнимо, — такъ это трудно». — «На то это и концертъ!» — живо отвѣтилъ обрадованный похвалой мальчикъ.

Леопольдъ Моцартъ предпринялъ артистическое турнѣе со своими дѣтьми, Наннерль (Марїя-Анна, талантливая пианистка) и Вольфгангомъ; дѣти, конечно, всѣхъ приводили въ восторгъ и играли неоднократно при дворѣ австрїйскаго императора Франца I. Всѣ, конечно, восторгались талантомъ Вольфганга, и онъ пользовался вниманїемъ дочерей Марїи-Терезы. Однажды, съ непривычкой къ паркетному полу, Моцартъ поскользнулся и упалъ. Старшая принцесса не обратила вниманїя, а младшая, ровесница его, подняла его и стала ласкать. — «Вы — добрая дѣвочка, — сказала она: — и хочу на васъ жениться». Когда императрица спросила его о причинѣ столь лестнаго предложенїя, онъ отвѣтилъ: «Благодарность». Она была добра ко мнѣ въ то время, когда сестра ея ни на что не обращала вниманїя». Добрый феей его оказалась будущая французская королева Марїи-Антуанетта. Можетъ-быть, она была бы счастливѣе за бѣднымъ Моцартомъ, чѣмъ за Людовикомъ XVI?..

Одинъ изъ учениковъ Леопольда Моцарта написалъ шесть трїо для двухъ скрипокъ и альта. Вольфгангъ, только-что начавшій играть на дѣтской скрипкѣ, подаренной ему въ Вѣнѣ, тоже захотѣлъ играть; не желая отказатъ, ему разрѣшили играть вмѣстѣ со второй скрипкой, но такъ, чтобы онъ никому не мѣшалъ. Вторую скрипку исполнилъ Шахтерль, рассказывающій объ этомъ фактѣ. Прислушиваясь къ исполненїю мальчишки, онъ замѣтилъ, что ребенокъ совершенно правильно играетъ; онъ нарочно смолкъ, предоставивъ играть одному Вольфгангу, и, къ изумленїю всѣхъ, онъ всѣ шесть трїо сыгралъ съ листа отъ первой ноты до послѣдней, не пропустивъ ни одного такта.

Во время путешествїй семья Моцартовъ конечно попала къ французскому двору, и Вольфгангъ былъ базовнемъ всѣхъ версальцевъ, не исключая императрицы и самого Людовика XV, этого типичнаго человѣка, хотавшаго отъ души, когда ему переводилъ отвѣтъ мальчишка. Однажды Моцартъ былъ у маркизы де-Полладуръ, которая обилась съ нимъ неособенно ласково и отказалась отъ его поцѣлуя. Избалованный мальчикъ имѣлъ смѣлость сдѣлать рѣшительное замѣчанїе: «У меня такое, чтобы брезгать поцѣловать меня, — меня, застѣжника поцѣлуй самой императрицы!»

Вотъ фактъ, характеризующій феноменальную память Моцарта. Въ 1770 г. Моцартъ былъ въ Римѣ. Ватиканъ дорожилъ исключительнымъ обладанїемъ произведенїями, исполнявшимися въ Страстные дни; подъ страхомъ отлученїя запрещалось пѣвцамъ переписывать ихъ, уносить домой партїи или показывать постороннимъ лицамъ. Вольфгангъ однако досталъ копію Miserere Аллери: онъ *написалъ ее на память*, прослушавъ одинъ разъ; когда ее исполнили вторично въ Страстную пятницу, онъ исправилъ нѣкоторые неточности и, по славенїю списковъ современемъ, не оказалось ни одной ошибки. Это что-то действительно невѣроятное.

Миланъ былъ первымъ городомъ, въ которомъ Моцартъ выступилъ опернымъ композиторомъ; здѣсь впервые поставлена была четырнадцатилѣтнимъ авторомъ подъ его личнымъ управленїемъ первая опера «Mitridate re di Pontio» и съ этого времени къ успѣхамъ юнаго гениа начинается примѣняться идея зависти композиторовъ, вслѣдствїи старавшихся все больше и больше умалить достоинства этого «пѣвца-молочкососа» и, насколько возможно, тѣмъ или инымъ путемъ, вредить необыкновенной репутаціи, гремѣвшей по всей Европѣ.

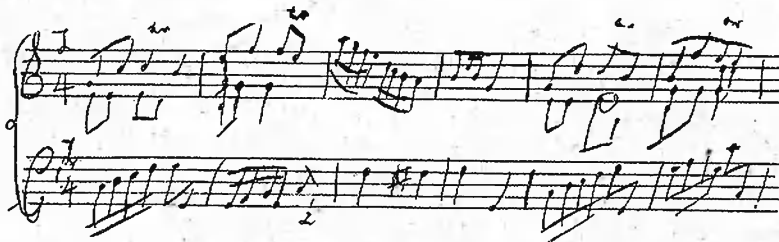
Песмотря на то, опера имѣла колоссальный успѣхъ; крики «Evviva il maestro»

(да здравствуетъ маленький композиторъ) не прекращались въ театрѣ въ теченїе всѣхъ спектаклей. «Gazzetta di Milano» 2-го января 1771 г. писала: «Нѣсколько арїй, спѣтыхъ синьорой Бернаскони, изображаютъ страсти, волнующія дѣйствующее лицо, и трогаютъ до глубины души.

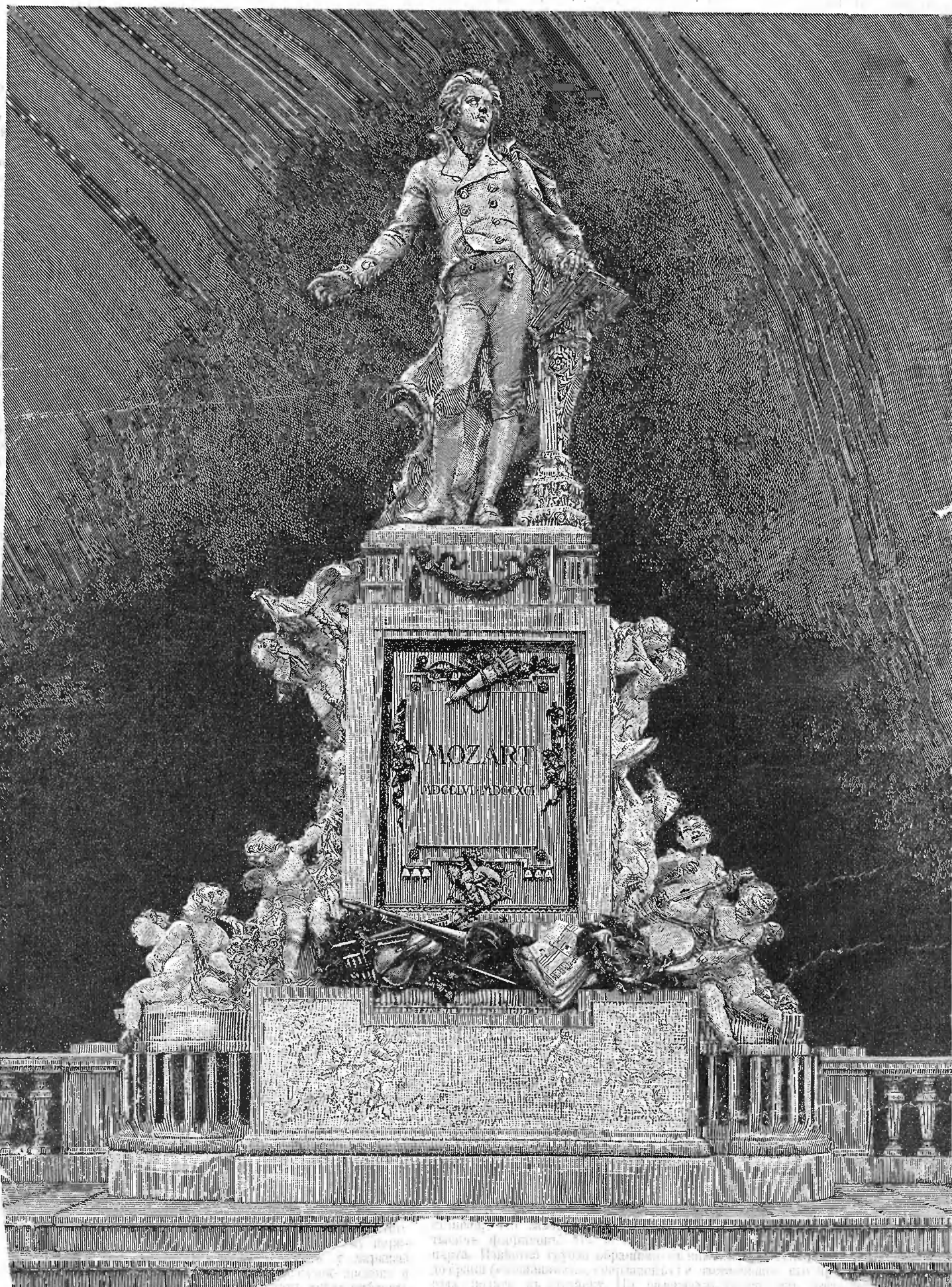
Молодой композиторъ, имѣющій только 14 лѣтъ, издаетъ прекрасное съ натуры и изображаетъ его съ рѣдкой граціей и умѣньемъ».

Переставъ восхищаться всѣхъ, какъ Wunderkind, Моцартъ началъ встрѣчать отпоръ со стороны тѣхъ, которые боялись этого гигаанта мысли и духа; особенно былъ онъ мало признанъ на родинѣ, какъ это обыкновенно водится. Послѣ неудачи въ Мангеймѣ, Моцартъ намѣревался снова отправиться въ турнѣе, но его удержали на родинѣ, общающіе разные заказы на работы; нужда заставила сдѣлаться, и вотъ что мы, между прочимъ, читаемъ въ письмѣ его къ отцу, изъ повиновенїя къ которому онъ никогда не выходилъ и которому онъ обо всемъ сообщалъ (череписка даетъ богатый матеріалъ для характеристики этого гениа): «Я композиторъ и рожденъ, чтобы быть капельмейстеромъ; я не могу скрыть таланта, такъ щедро мнѣ дарованнаго Богомъ (я говорю это не изъ гордости, а потому, что въ настоящую минуту сознаю это болѣе, чѣмъ когда-либо), а это случится, если я примусь за уроки. Меня теперь особенно тянетъ писать оперы и скорѣе французскія, чѣмъ нѣмецкія, и лучше итальянскія, чѣмъ французскія (это было время господства итальянской оперы повсюду). У Вейдманга (капельмейстера Мангеймскаго оркестра) всѣ говорятъ, что моя музыка очень понравится въ Парижѣ, потому что я легко подражаю подъ манеру и стиль всѣхъ композиторовъ».

Пребыванїе Моцарта въ Парижѣ въ 1778 г. далеко не было для него такимъ триумфальнымъ, какъ первое; восторги были очень умѣренны; къ тому же онъ чувствовалъ горячую любовь къ матери, сопровождающей его; онъ искренно обрадовался, получивъ отъ отца извѣстїе о томъ, что ему чинится вакансія хора и на худшій случай — на родинѣ, у замѣбургскаго монашьяна Комаредо и кетати пристроить и Вольфганга. До чего была печальна судьба музыкантовъ въ то время, можно судить по тому факту, что семья, состоявшая изъ трехъ человѣкъ, — изъ коихъ одинъ былъ авторомъ руководствъ, признаннаго превосходнымъ во всей Германїи, другая — первоклассной пианисткой, гремѣвшей по всей Европѣ, а третій носилъ имя «Вольфгангъ Моцартъ», считала себя счастливой, что завоевала положенїе, дающее въ годъ около двухъ тысячъ флориновъ! Но и эта радость недолго длилась для Моцарта. Извѣстно грубое обращенїе съ нимъ монашьяна, доходившее до брани («моншеники», «мерзавцы») и заставившее его чрезъ два года подать въ отставку. По рассказамъ очевидцевъ, этотъ монашьянъ однажды собственноручно вытолкнулъ изъ кабинета автора тогда уже существовавшего «Идоменей».

Къ 150-лѣтїю дня рожденїя Моцарта. Факсимиле изъ нотной тетради 8-ми-лѣтняго Моцарта.

До чего Моцарт был далек от практической жизни и вообще от заботы об улучшении своего положения, может служить следующая факт, рассказываемый биографом Ниссеном, женившимся на вдове Моцарта. Император Фридрих-Вильгельм II предложил ему управлять его канцелярией, считавшейся одной из первых в Европе. На вопрос императора, какого он о ней мнения, Моцарт ответил: «она обладает самым многочисленным собранием виртуозов, я никогда не слышал такого исполнения квартетов; но, когда все эти господа вместе, они могли бы играть лучше».

— Останьтесь у меня, — сказал император, — эти господа будут лучше играть. Я вам предлагаю 3000 талеров.

И Моцарт, получивший только 800 флоринов, вместо того, чтобы воспользоваться этим расположением и лестным предложением, ответил следующее:

— Могу ли я покинуть моего доброго повелителя?

Император, зная, что его добрый повелитель весьма часто оставляет его без куса хлеба, тронутый такой его преданностью, прибавил:

— Подумайте хорошенько, я сдержу свое слово, хотя бы вы одумались через много времени.

Но Моцарт никогда не одумался; он жил исключительно искусством, прибавил...

«Вторая половина последнего года жизни Моцарта (1791) была временем сверхчеловеческой плодотворности и вдохновения, которое одно могло бы прославить самую плодотворную деятельность другого композитора, — так говорит Ульбрихт («Новая биография Моцарта» в 3 томах, изд. Юргенсона). Речь идет об одно-временном почти создании «Волшебной флейты», «Милосердия Тита» и знаменитого «Requiem'a», написанных с такими различными настроением: изнуренным, болезненным, почти умирающим, композитором. Остановимся сначала на истории «Волшебной флейты».

Был в Вены пький Шиканедер, антрепренер, актер, либреттист, хореограф, композитор и, главное, аферист, не брезгавший никакими средствами ради наживы. Изучив добрую натуру Моцарта, он однажды является к нему и, состроив мрачную мину, начинает с пафосом излагать критическое положение, в котором он очутился со своей труппой.

— Чья же я могу быть вам полезнее?

— Напишите для моего театра оперу совсем в современном вкусе венец...

— Хорошо, я соглашусь.

— Какое же вознаграждение вы с меня возьмете?

— Да у вас есть ли пфенига. Вот что: так как я хочу помочь вам выйти из затруднительного положения, но с другой стороны и сам не могу работать даром, то я вам предлагаю следующее. Я вам отдам мою партитуру; вы мне за нее дадите, что хотите, но с условием, что вы никому не позволите ее переписать. Если опера будет иметь успех, я вознагражу себя, продавая партитуру другим театрам.

Можно себе представить радость Шиканедера. Моцарт работал день и ночь; опера, наконец, была готова, поставлена и имела колоссальный успех почти на всех германских сценах; одновременно «Волшебная флейта» дала вездь полные сборы, но композитор не получил ничего за свою оперу. Ни один из антрепренеров не обращался к Моцарту. Произведение, обогатившее антрепренеров и копистов, особенно же Шиканедера, не принесло ничего своему создателю. Когда Моцарт узнал о продажах своей партитуры, он воскликнул: «Простодушно: «Липр» (негодяи), и на другой день, как ни в чем не бывало, обдавал с ним у себя дома.

О быстроте творчества Моцарта самым красноречивым доказательством может служить опера: «Милосердие Тита», созданная в восемнадцать дней, между «Свадьбой Фигаро» и его последними пьесами — «Requiem'ом», требующими такого разнообразия настроений. Впрочем, известно, что Моцарт работал и творил всегда и вездь: у постели больной жены, в карет, за дружеской пирушкой и даже за биллардом, на котором он страстно любил играть. Так, однажды, стоя за биллардом, он вдруг стал напевать про себя «hum, hum»; когда приходил черед партнера, Моцарт вынимал ключок бумажки и что-то записывал; прошло несколько дней, и он сказал: «Теперь пойдемте слушать» и сыграл своим друзьям квинтет первого действия «Волшебной флейты», начинающийся «hum, hum», которое изображает временную неловку Попачено, постигнув его за осуждение фей.

В небывалом восторге торопился Моцарт с «Requiem'ом», боясь, что он не успеет его окончить, как оно и случи-

лось на самом деле; его усилия работать росли вместе со слабостью и припадками дурноты и меланхолий. Жена повезла его однажды в Пратер погулять, и тут он ей сказал роковыя слова: «Я пишу этот «Requiem» для самого себя. Очень немногий остался мне жить, а это слишком чувствую. Меня отравил».

Эти последние слова он, по всей вероятности, сказал в переносном смысле, то-есть, что его отравляли нужда, небезлеченность, истощение сил, недоброжелатели, вредившие ему, гд только могли, преследование кредиторов, завистники по профессии и пр., а многие приняли эти слова в буквальном смысле, и это создало такую легенду, опроверженную впоследствии документально. Также лишены фактического основания и слова Моцарта произнесенные им на смертном одре: «Как! Именно теперь я должен умереть? Умереть, когда, наконец, могу жить спокойно! Оставить мое искусство, когда я избавился от спекуляторов? Освободился от рабства моды, когда мне можно будет работать как меня вдохновил Бог и мое сердце! Покинуть мою семью, моих бедных детей, в тот миг, когда я получал возможность лучше о них заботиться! Разве я ошибся, сказав, что я пишу «Requiem» для себя?»

Дело в том, что, когда Моцарт, с распухшими руками и ногами, в паралич, слег на свое последнее ложе, ему принесли бумагу о назначении его на место канцелямейстера собора св. Стефана (в Вич).

Моцарта не на что было надеяться, и его бросили в общую яму для нищих; таким образом, могила величайшего музыкального гения осталась неизвестной для потомства; когда потом хотели поставить памятник ему,

то кладбищенский сторож не мог указать не только останков Моцарта, но даже и места, куда его бросили. Там не менее из Моцарт вопли примечными слова Гейне: Шекспир, что в нем созданы три единства: действия (сам Моцарт, места (земной шар) и времени (вечность). Невольно вспоминается восклицание величайшего музыканта нашего времени, А. Г. Рубинштейна в его книге: «Музыка и ее представители»: «Божественное творчество, все залито светом! Я бы вообще готов был сказать: вечный солнечный свет в музыке, — ими тебе Моцарт».

Если справедлив афоризм Шумана, что «плодотворность признак гения», то нужно сознаться, что прямо невероятна плодотворность Моцарта

в которой чудесное по количеству оперирует первенство у чудесного по качеству; вот в сжатом виде оставленное этим гением в наследие человечеству: 1) Церковная музыка (мессы, оратории, кантаты, псалмы, Requiem и пр. — всего 36 произведений), 2) Оперы, 3) Театральная музыка (15 опер, несколько балетов, интермедий, антракты и пр.; сюда же относятся 43 арий, дуэты, трио и пр.), 4) Инструментальная музыка для оркестра (41 симфония и 15 отрывков увертюр), 5) Концертная музыка (29 фортепианных концертов, 5 скрипичных, 6 для виолончели и 41 дивертиссемент «Concerti grossi» и пр.), 6) Камерная музыка (10 струнных трио, 28 струнных квартетов, 8 квинтетов с участием фортепиано, 23 трио и 5 квартетов), 7) Вокальная музыка (16 канон, кантаты, несколько сборников немецких и итальянских пьес), 8) Танцевальная музыка (36 менуэтов, 9 немецких танцев, 27 контерансов, много вальсов и пр.), 9) Лесная музыка (марши, фанданго, шессы для труб и литавров), 10) Учебная музыка (сопрано, сонатины, фуги, каноны, этюды, экзерсисы, сокращенный учебный генерал-бас и пр.) и 11) Аранжировки из произведений Генделя: «Мессия», «Ада и Галатея», «св. Цецилия» и «Праздник Александра». Мы не забудем еще серенадную музыку, бывшей в то время в большой моде. Всего произведений, включая в их число и такие, которые содержат по 600—700 страниц, насчитывают до 800; он средним числом писал по 32 сочинения в год. В Моцарт все сверхчеловеческое — и жизнь его, и деятельность, и тяжелейшая работа (большинство сочинений пришлось писать по заказу, из-за куска хлеба), и роль в искусстве; это действительно во всех отношениях — феноменальное явление; это в полном смысле слова «Weltkomposit», в котором слышлось все, что существовало до него в музыке немецкой, французской и итальянской.

Царевна-Лягушка. (Рис. на стр. 49).

Животный эпос, как известно, играет большую роль в сказках. Животный, наделянный человеческим разумом и речью, вступающий в них на арену совместной деятельности с людьми и нередко (такова прозявка) оказывающийся лучше, умнее и благороднее людей.

Нередко также такие животные оказываются настоящими людьми, превращенными временно силой волшебства во змей. В иде

Ухо Моцарта.

Ухо обыкновенное.

Драгунскій полкъ на охранѣ замка.

Общій видъ замка до разрушенія.

Пойманный революціонеръ.

Охранная войска въ замкѣ.

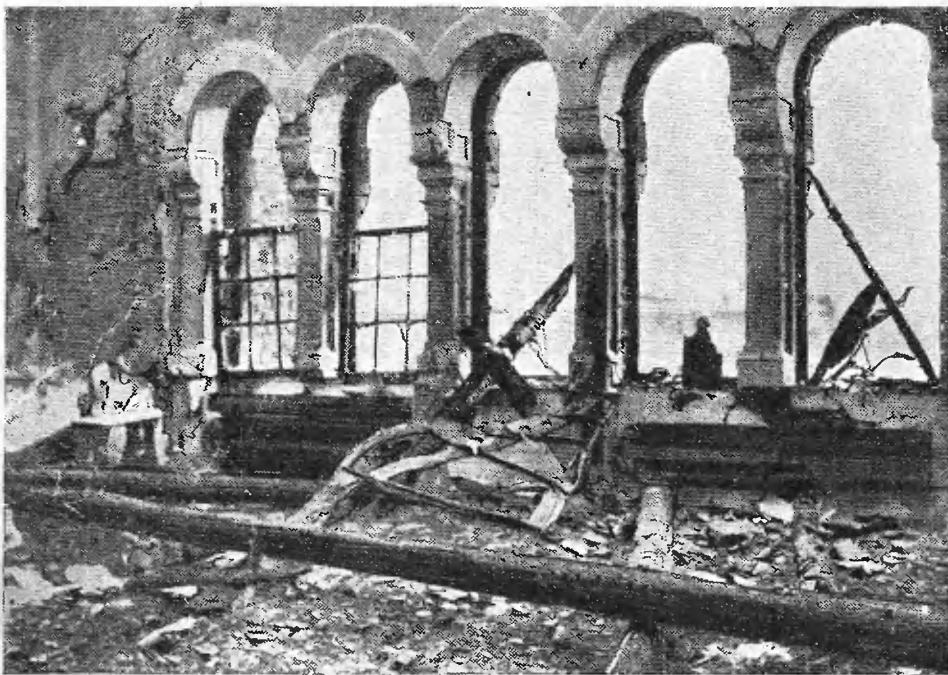
Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. Замокъ Кокенгузенъ, захваченный революціонерами и затѣмъ отнятый обратно

Общій видъ замка до разрушенія.

Все, что осталось отъ замка—развалины и персоналъ.

Разрушенный залъ замка.

Внутренній видъ замка послѣ его разрушенія.

Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. Замокъ Ремерсгофъ, принадлежащій барону фонъ-Сиверсу и разрушенный революціонерами.

По фот. спеціального корреспондента.

такой взаимной связи существованія человека съ животнымъ, въ представленіи о такомъ переходѣ изъ бытія человѣческаго въ бытіе zvíриное, многие ученые изслѣдователи сказокъ, по справедливости, видятъ отраженіе извѣстнаго міра о переселеніи душъ.

Однимъ изъ любимѣйшихъ такихъ сюжетовъ сказочной литературы является весьма популярная въ мірѣ дѣтей «Царевна-Лягушка». Эта интересная особа фигурируетъ во многихъ сказкахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и при весьма различныхъ обстоятельствахъ. Вариации этой сказки безконечны. Царевна-Лягушка является то женою королевича, то домовитой хозяйкой въ фантастическомъ лѣсномъ царствѣ, то играетъ роль доброй феи—утѣшительницы и покровительницы дѣтей. И всегда въ концѣ концовъ она оказывается падчерницей злой царивы, которая по злобѣ превратила ее изъ человека въ лягушку. Царевна-Лягушка отличается умомъ, добрымъ нравомъ и нѣкими добродѣтелями, и въ результатѣ ея разнообразныхъ жизненныхъ похожденій ее добродѣтель торжествуетъ надъ злыми чарами, и лягушка снова становится человекомъ.

Сказочный образъ этой царевны послужилъ художнику Бауку сюжетомъ для изыщной картинки, которую мы воспроизводимъ въ настоящемъ № нашего журнала.

Рисунки академика

Н. С. Самокиша.

(Стр. 52 и 53).

Извѣстный баталистъ Н. С. Самокишъ былъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, во время минувшей русско-японской войны, и предъ нимъ воочию прошли грозныя и жуткія картины сраженій и вся бытовая обстановка войны. Поэтому всѣ иллюстраціи и рисунки его, изображающіе различные моменты изъ военного времени, проникнуты истинною «правдою жизни» и производятъ сильное впечатлѣніе.

Долго еще будетъ памятна намъ эта тяжелая война, отнявшая у Россіи такъ много людей, силъ и талантовъ. Не скоро изгладится изъ народной памяти кровавый дальневосточный походъ, потребовавшій такой массы жертвъ и оставившій послѣ себя такой страшный слѣдъ смерти, страданій, увѣчий.

Одинъ изъ рисунковъ Н. С. Самокиша, воспроизведенныхъ въ настоящемъ № «Нивы», изображаетъ выступленіе на передовыя позиціи санитарнаго отряда санитарнаго отряда санитарнаго отряда П. В. Родзянко. Отрядъ П. В. Родзянко поставилъ своей задачей дѣйствовать прямо на поляхъ сраженій, оказывая помощь сражающимся тутъ же на мѣстѣ ранникамъ, и въ свое время принесъ много пользы, благодаря самоотверженной дѣятельности конныхъ санитаровъ.

Другой рисунокъ («Бой») представляетъ эпизодъ одного изъ сраженій, во время которыхъ всегда вынадало на долю санитаровъ такъ много работы.

Портретъ Джеральдины Фарраръ. (Стр. 56).

Нѣмецкій художникъ Ф. Каульбахъ является первокласснымъ портретистомъ. Его портреты отличаются не только сходствомъ съ оригиналами, но и вышней эффектною, смѣлостью кисти, сочностью, красочностью. Блестящимъ образчикомъ его творчества можетъ служить воспроизводимый въ настоящемъ № «Нивы» портретъ извѣстной пѣвицы Джеральдины Фарраръ.

Дж. Фарраръ пользуется громкою извѣстностью, какъ прекрасная оперная артистка. Она поетъ въ берлинской королевской оперѣ, являясь одною изъ первыхъ мѣстъ въ персоналѣ этой оперы. Счастливая наружность артистки и ея замѣчательный талантъ позволяютъ

ей съ неизмѣннымъ успѣхомъ исполнять самыя ответственныя, самыя выдающіяся роли въ современномъ оперномъ репертуарѣ.

Мастерская кисти Каульбаха передаетъ черты и фигуру артистки съ замѣчательной художественной правдой.

Кончина короля Даніи, Христіана IX.

(Портр. на этой стр.).

Данію постигло національное несчастье: 16-го января скончался престарѣлый, любимый и уважаемый народомъ король Христіанъ IX, отецъ нашей вдовствующей Государыни Императрицы Маріи Осодоровны.

Въ день кончины у короля была долгая аудіенція, сильно утомившая его. Послѣ аудіенціи во время завтрака король почувствовалъ себя дурно, и приглашенный лейбъ-хирургъ Лемаръ посоветовалъ ему лечь въ постель. Въ три часа пополудни у короля были констатированы разрывъ сердца, и мастытый монархъ Даніи тихо отошелъ въ вѣчность. При кончинѣ короля присутствовала Императрица Марія Осодоровна и наследный принцъ.

Король Христіанъ скончался на 88-мъ году своей жизни. Онъ родился 8 апрѣля 1818 года (въ одинъ годъ съ Императоромъ Александромъ II) и былъ сыномъ герцога Вильгельма Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскаго.

На 13-мъ году жизни принцъ Христіанъ лишился отца и былъ порученъ опеку. Въ 1831 году будущій король Даніи былъ помѣщенъ въ семью начальника кадетскаго корпуса, нѣкоего Линде, у котораго и получилъ первоначальное воспитаніе. Затѣмъ онъ посещалъ боннский университетъ.

По окончаніи образованія принцъ Христіанъ былъ приглашенъ въ генераль-инспекторы датской кавалеріи, а въ 1842 г. вступилъ въ бракъ съ племянницей датскаго короля, Христіана VIII, принцессой Луизой.

Вмѣстѣ съ рукою принцессы Луизы принцъ Христіанъ получилъ право на датскій престолъ, и это право было утверждено закономъ въ 1832 году особымъ протоколомъ, подписаннымъ въ Лондонѣ представителями пяти великихъ державъ. Но фактически датскій престолъ перешелъ къ новому королю лишь девять лѣтъ спустя, т. е. въ 1863 году. 15-го ноября 1863 года принцъ Христіанъ торжественно вступилъ на датскій тронъ подъ именемъ Христіана IX и былъ встреченъ датчанами съ искреннимъ сочувствіемъ.

Въ первый же годъ его царствованія Даніи пришлось выдержать тяжелую и неудачную войну съ Пруссіей и Австріей изъ-за герцогства Шлезвигъ-Гольштейнскаго. Война эта кончилась пораженіемъ Даніи и утратою упомянутаго герцогства; такимъ образомъ, начало царствованія Христіана IX было омрачено тяжелымъ національнымъ горемъ. Но потомъ начался мирный расцвѣтъ этой маленькой державы, и король Христіанъ, рѣшившій всецѣло посвятить себя развитію внутренней жизни государства, много способствовалъ его расцвѣту. Началось преобразование государственнаго устройства, начались реформы арміи и флота, постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и развитію промышленности, и въ настоящее время Данія по справедливости считается одною изъ самыхъ развитыхъ и благоустроенныхъ странъ Европы. Въ 1866 году король открылъ риксдагъ, т. е. датскій парламентъ, и въ 1874 году далъ конституцію Исландіи.

Король Христіанъ IX былъ примѣрнымъ семейнымъ и рыцарски-благороднымъ человекомъ. Чистый нравственный обликъ его заслуживалъ ему всеобщее уваженіе и симпатіи, и кончина его вызвала въ Даніи искреннюю печаль.

Христіанъ IX, король датскій († 16 января с. г.).

По фотогр. грав. Шуцъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Урокъ. Повѣсть Бор. Лазаревского. (Продолженіе).—Романъ Н. Ясевичъ.—Къ 150-лѣтію дня рожденія Моцарта. Черты изъ жизни великаго композитора. В. С. Баскина.—Царевна-Лягушка.—Рисунки академика Н. С. Самокиша.—Портретъ Джеральдины Фарраръ.—Кончина короля Даніи, Христіана IX.—Объявленіе.

РИСУНКИ: Царевна-Лягушка.—Бой.—Выступленіе генерала Родзянко.—Джеральдина Фарраръ.—Къ столѣтнему дню рожденія Моцарта: 1) Моцартъ на тридцатомъ году жизни. 2) Факсимиле изъ нотной тетради 8-лѣтняго Моцарта. 3) Клавесинъ и спинетъ въ Моцартовскомъ музеѣ, въ г. Зальцбургѣ. 4) Памятникъ Моцарту въ Вѣнѣ.—Ухо Моцарта.—Ухо обыкновенное.—Рисунки въ Прибалтійскомъ краѣ. Замокъ Кокенгузенъ, захваченный революціонерами и затѣмъ отнятый обратно прибывшими войсками. 1) Драгунскій полкъ на охранѣ замка. 2) Общій видъ замка до разрушенія. 3) Поиманный революціонеръ. 4) Охранная войска въ замкѣ.—Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. Замокъ Реммерсгофъ, принадлежащій барону фонъ-Сиверсу и разрушенный революціонерами. 1) Общій видъ замка до разрушенія. 2) Все, что осталось отъ замка—развалины и персоналъ. 3) Разрушенный залъ замка. 4) Внутренній видъ замка послѣ его разрушенія.—Христіанъ IX, король датскій.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій Н. М. Станюковича“ книга I.